

Андреева Екатерина Георгиевна
Санкт-Петербургский Государственный Университет
(Санкт-Петербург, Россия)

**Олицетворяющая метафора в научном тексте
(сопоставление английского и русского языков)**

Аннотация

Статья посвящена сопоставлению олицетворяющей метафоры в английских научных и научно-публицистических текстах и их переводах на русский язык. Соответствия и расхождения между языками рассматриваются с переводческой точки зрения.

Ключевые слова

Метафора, олицетворение, одушевленность, трансформации.

Abstract

The paper centers around antropomorphic metaphors in specialist texts and journalism in English and their translations into Russian. Similarities and differences between the languages are examined from the point of view of translation techniques.

Key words

Metaphor, antropomorphism, animateness, transformations.

Метафора, ее функции и употребимость в художественном тексте, как поэтическом, так в прозаическом активно исследовались и продолжают исследоваться на материале разных языков. Когнитивные метафоры, по Дж.Лакоффу (Lakoff, 2003), формируют мышление и мировосприятие носителей разных языков, в определенном смысле детерминируя и соответствующие культуры. Олицетворяющие метафоры можно рассматривать как один из типов

когнитивных метафор, когда за счет них неодушевленному объекту приписываются антропоморфические свойства, так что и сам объект начинает восприниматься как живой.

Целью данного сообщения является сопоставительный анализ сочетаний "имя+глагол" в английском языке и их переводов на русский, когда в компонентах такого сочетания можно усмотреть метафорический перенос за счет их семантической несогласованности (неодушевленность имени — одушевленность глагола), и выявление тех случаев, где английский и русский языки различаются с точки зрения способности или неспособности создавать такие сочетания.

То, что английские неодушевленные существительные легко согласуются с глаголами активного действия, отмечается в работах многих современных зарубежных исследователей (Šeškauskienė, 2009, Low, 1999, и др.), и дело здесь не только в "усиленной" метафоризации, свойственной английскому языку, но и в том, что английские глаголы (за редким) исключением являются одновременно переходными, и непереходными, так что переходное (активное) значение в некотором смысле переносится на непереходное (пассивное). Классическим примером может служить *I always sell a lot of books* и *The book sells well*, когда существительное во втором предложении воспринимается как активный деятель за счет того, что оно употреблено при глаголе активного действия в действительном залоге. Здесь уместно вспомнить о глубинных падежах (*book* в обоих примерах является дативом, хотя в терминах традиционного синтаксиса его функции различны - подлежащее и прямое дополнение), поскольку данное различие между английским и русским объясняется также и различиями между семантическими ролями подлежащих первого и второго предложений и способностью конкретного глагола конкретного языка сочетаться с ними.

Метафора персонификации относится к разряду онтологических метафор,

которые призваны помогать осмыслить события, действия, идеи и эмоции в качестве дискретных чувственно воспринимаемых объектов, облегчать структурирование окружающего мира и создавать более понятную, объяснимую наивную картину мира. Такие метафорические закономерности, как антропоморфизм или зооморфизм, можно считать универсальными, хотя их функциональный вес в разных языках может заметно различаться. Кроме того, в подобных универсальных парадигмах есть свои национально-культурные особенности, например, далеко не во всех языках переносные значения слов «низкий», «черный» являются пейоративными, или же вообще обладают метафорическим значением (ср. *черная зависть* в русском языке и *green-eyed monster* в английском, которые приблизительно сопоставимы) (подробнее - см. Юрков, 2012). «Эталонные» основания для создания метафор и метафорических переносов безусловно этно-специфичны, хотя в каких-то ситуациях прослеживаются и сходные тенденции в разных языках. Так, скажем и в русском и в английском языках *время летит (time flies)*, однако в русской культуре человек *спит, как убитый*, а в английской - как бревно (*sleeps like a log*).

С другой стороны, если следовать А.Вежбицкой, то в основе рассматриваемого различия между английским и русским языками, лежит то, что является особым языковым типом - агентивным (английский) и пациентивным (русский). Для языков первого типа характерны номинативные и номинативоподобные конструкции, в то время как для языков второго типа – дативные и дативоподобные, не в смысле семантических ролей, а в смысле падежной формы подлежащего (ср. *May I...?* и *Можно мне...?*) (Вежбицкая, 1996: 55). И хотя Вежбицкая говорит в первую очередь об одушевленных подлежащих в языках этих двух типов, можно заметить, что это так же верно и для подлежащих, выраженных неодушевленными существительными. В таком случае английское *this year saw* объясняется агентивностью одного языка, а

соответствующее ему русское *в этом году произошло* — пациентивностью второго.

Анализ отобранных примеров олицетворяющих метафор, сопровождающихся переводом на русский язык (105 сочетаний имя+глагол из научной и научно-публицистической литературы), дает возможность говорить о следующих типичных ситуациях и переводческих решениях: 1) полное совпадение конструкции «имя плюс глагол» в оригинале и переводе с полным сохранением значения и метафорического образа; 2) лексическая замена одного из компонентов с некоторым изменением значения, но с сохранением образа; 3) в переводном тексте не сохраняется ни конструкция, ни метафорический образ оригинала, причем меняется частеречная принадлежность слов, их синтаксические функции и, наконец, опускается антропоцентричный глагол.

Первая группа включает в себя существительные, обозначающие силы природы, стихии и эмоции, что, по Лакоффу, совершенно естественно, поскольку они метафоризируются как живые существа, так что такая трактовка почти универсальна для языков. Именно поэтому русский перевод фактически калькирует оригинал - *gravity and the other forces that govern physics* — *гравитация и другие силы управляют физикой; those factors demonstrably were directly responsible for European conquests* – *факторы ответственны за завоевания; pressure threatens* - *давление угрожает, disease challenges* - *болезнь бросает вызов* и так далее. Стихии близки к силам природы - *wind sighed* (*ветер вздохнул*) или *wind sprang up* (*поднялся*), *flames growled, ran up the walls, fire licked and raced up* (*пламя стонало, побежало вверх по стене, языки пламени лизали*). Судьба, удача метафорически близки силам природы, необъяснимы как имеющие собственную волю живые существа, и этим качеством они награждаются в обоих языках, например, *fortune presents* (*судьба дарит*).

Поскольку эмоции и физические состояния (emotional states), по Дж.

Лакоффу и М.Джонсону, это 'entities within a person', то неудивительно, что *the smile left his face* (улыбка сошла у него с лица) или *a smirk plays around the edges of his lips* (на губах играет ухмылка). Эти и другие подобные примеры полного англо-русского соответствия опять же укладываются в общее для большинства языков и культур представление об эмоциях как самостоятельных, зачастую неподвластных человеку силах или живых существах.

Разного рода механизмы и устройства, выполняющие предписанные им функции как бы самостоятельно, также вполне логично одушевляются, что можно увидеть не только в их употреблении с глаголами одушевленной семантики, то и в том, что наделяются родом — женским или мужским. Речь здесь в первую очередь — о скрытой категории рода в английском языке, когда такие существительные заменяются не местоимением общего рода (*it*), а женского (*she*) или мужского (*he*), в зависимости от того, с живым существом какого рода соотносится в сознании говорящего данное устройство. Так, например, об автомобиле люди могут сказать *give her some gas*, если воспринимают его как существо женского пола, или *give him a push*, если для них машина - существо мужского пола. В таких языках, как английский, категория одушевленности/неодушевленности тесно переплетена с категорией рода, и они, как известно, часто выражаются одновременно (см. Масленникова 1999).

Одушевленность механизмов иллюстрируется такими примерами в обоих языках, как *the machine spat up a plastic spool* (плеер выплюнул пластмассовую бобышку), *the black Chevrolet hurried on across a country side* (черный шевроле поспешил). С машинами сближаются поселения, постройки, части домов, мебель - *cheap little houses crowded in* (маленькие домики окружали его), *the village stands on the high wheat plains* (деревня стоит на высокой равнине), *Storm windows shuddered in the empty bedrooms* (От сильного ветра дрожали окна).

Близость между языками прослеживается и в отношении, то есть

способности одушевлять, письменную речь, порожденные человеком тексты, и проводимые им исследования. Так, *Chapter 2 prepares us for exploring effects* (Глава 2 подводит нас к...), *Chapter 6 explores the numerous factors* (Глава 6 рассматривает многочисленные факторы), а *Chapter 18 returns to the problem* (Глава 18 возвращается к проблеме...), тогда как *detailed archaeological studies have shown* (археологические исследования показали...).

Таким образом, очевидно, что силам (физическим, природы), эмоциям и их проявлениям, механизмам, и наконец, письменным и устным текстам, в обоих языках (и, видимо, не только в них) свойственна, пусть метафорически перенесенная, категория одушевленности, благодаря чему эти единицы используются вместе с одушевленно-маркированными глаголами без нарушения правил сочетаемости обоих языков.

Если говорить о лексических заменах, то они, как правило, затрагивают глагол, а не существительное, при этом используются приемы конкретизации и генерализации: *It (the hypothesis) invites a search for ultimate causes* - Она выводит нас на поиск удаленных, исходных причин заложенным в ней вопросом; *Mosses offer my-steries as well, he told me* - Мхи тоже задают загадки, говорит мне Эллис; *Water obviously offered protection against heat and flame, but also presumably provided more sustenance in the lean period that followed* - Вода, очевидно, защитила от жара и пламени, а также, вероятно, дала пищу в последовавшее голодное время; *That consideration (to develop a unified synthesis) dictates single authorship* - Условие единства требует единоличного авторства. Встречаются случаи, когда в английском сочетании метафоричность видна и не вызывает сомнений, тогда как в переводе она сильно «сглажена»: *The town sits on the slope of a hill* - Городок лежит на склоне холма; *Our lifestyles invite epidemics* - Наш образ жизни способствует эпидемиям. Наконец, нередко русский глагол в переводе оказывается полностью лишен одушевленной маркированности:

However, this hypothesis offers only a proximate (first-stage) explanation - Однако эта гипотеза представляет собой лишь ближайшее (то есть первое по порядку) объяснение; Perhaps cold climates require one to be more technologically inventive to survive... - Возможно, выживание в холодных климатических условиях требует от человека большей технической изощренности... Крайней степенью утраты одушевленной маркированности при переводе являются те случаи, когда глагол в переводе опускается: this book attempts to provide a short history of everybody for the last 13,000 years - Эта книга — моя попытка кратко изложить историю всех людей, живших на планете за последние тринадцать тысяч лет.

Самые яркие расхождения между языками наблюдаются, когда в переводе происходит изменение синтаксической функции исходного подлежащего: *That year also saw the death of Dmitri Mendeleev — В тот год умер Д.Менделеев; The following 1,500 years saw the outpouring of Chinese technological inventions — В последующие 1500 лет мир увидел...; The nineteenth century witnessed an enormous growth — В 19 веке произошел резкий рост; some parts of the world developed literate societies — В некоторых частях света появились просвещенные общества; Small towns are equally unhelpful in offering distinguishing features — У маленьких городков нет никаких отличительных черт; The guide book referred to it as picturesque — в путеводителе его называли живописным; daily life still holds enough unpredictability – в нашей повседневной жизни все еще много непредсказуемого; In Italy, the national lottery omits the number thirteen - В Итальянской национальной лотерее не используется номер 13; The ten cents carried him across the ferry to... - За десять центов он переправился на пароме в...; Most books that set out to recount world history concentrate on... - Авторы, которые берутся за изложение всемирной истории, как правило, сужают свой предмет до... .*

Подлежащее оригинала в переводе начинает выполнять функцию

обстоятельства причины и в тех случаях, где выстраиваются каузативные отношения: *Bad-luck superstitions still keep many people from walking under a ladder* - Многие люди из-за дурных примет до сих пор предпочитают не ходить под лестницей; *It (age) makes you ache and muddies your head...* - Боль и помутившийся рассудок — вот его приметы; *Ink-circled names populated the map* - Карта кишела обведенными в кружочек названиями.

Можно заметить, что вероятность изменения синтаксической функции при переводе особенно высока в тех случаях, если: (1) подлежащее в исходном предложении характеризуется локативной, инструментальной или пациентивной семантикой или же (2) сказуемое выражено глаголом с каузативной семантикой.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Оба языка характеризуются большим количеством когнитивных метафор, общих для них, в рамках которых с одушевленными сущностями соотносится целый ряд разнообразных явлений и объектов (силы, эмоции, машины и механизмы, даже слово и текст), что помогает адекватно переводить как языковые, так и художественные метафоры. Однако, несмотря на наличие этого общего для двух языков фонда когнитивных метафор, между ними существуют значительные различия в том, что касается лексической сочетаемости и семантики синтаксиса, что с неизбежностью требует использования переводческих трансформаций. В проанализированной выборке те или иные трансформации характеризуют 70% примеров, среди которых наиболее частотными переводческими приемами оказались изменение синтаксической структуры предложения и лексические замены.

Список используемых источников

1. Lakoff G., Johnson M.. *Metaphors We Live By*. – Chicago and London: The University of Chicago Press, 2003. – 256 p.

2. Low G. The paper thinks...: Investigating the acceptability of the metaphor "an essay is a person"//Researching and Applying Metaphor. – CUP, 1999. – p. 221–248.
3. Šeškauskienė I. The Paper Suggests: Inanimate Subject + Active Verb in English Linguistic Discourse//Kalbotyra. – 2009. - № 60 (3). – pp. 84-93.
4. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
5. Масленникова А.А. Скрытые смыслы и их лингвистическая интерпретация. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. СПбГУ, 1999.
6. Ю
р
к
о
в

Е
.
Е
.

М
е
т
а
ф
о
р
а